

Даже добравшись до Янчжоу, беглый император лишь обрек на гибель еще одно войско да затянул город в пороховой дым.

С появлением Ян Тао подступившая по пятам армия взяла Янчжоу в плотное кольцо, державшееся долгих три месяца. Местный губернатор сохранял верность государю, но здешние края, благодатный край риса и рыбы, слишком долго не знали войны. Когда враг неожиданно обложил город, запасов зерна оказалось в обрез, да и те подчистую изъяли на нужды гарнизона. Привыкшие к сытой жизни горожане не вынесли лишений. Охваченные паникой, они то и дело поднимали мятежи.

Ранним утром того дня из-за очередного побора вспыхнул новый спор между солдатами и чернью. Бунт разрастался на глазах; мародеры и смутьяны поджигали дома в разных концах города. Власти не справлялись с бесчинствами изнутри, пока снаружи яростно напирал враг. Оказавшись между двух огней, губернатор Янчжоу лично поднялся на стену, чтобы воодушевить защитников, но пал на месте — стрела Бэйчэнь Цина настигла его прямо на стене.

На сей раз Ян Си учел горький опыт Чжучжоу. Опасаясь, что Ян Тао вновь ускользнет, он разделил войско надвое: половина оцепила город так, что и мышь бы не проскочила, а другая обрушилась на укрепления с удвоенной силой. Одновременно по рядам разнесся указ Чжао-вана:

— Тому, кто вернет моего венценосного брата живым и невредимым, будет награда в десять тысяч ланей серебра. Любого же, кто посмеет причинить ему вред, ждет лютая казнь!

Оборона рушилась. Огненные стрелы дождем сыпались с небес, поджигая надвратные башни; обезумевшие люди метались по улицам в поисках спасения, а в проломы уже лавиной вливались вражеские отряды. Лин Шу, только что осматривавший оборонительные рубежи, был вынужден пробиваться сквозь задыхающуюся от гари толпу назад, к губернаторской резиденции, где укрывался Ян Тао.

Северный склон неба заволокло черной пеленой, сквозь которую пробивались багровые языки пламени, неумолимо подступавшие к усадьбе. Ян Тао, уже напуганный видом разбегающихся слуг и зловещим гулом снаружи, при виде ворвавшегося Лин Шу похолодел от ужаса.

— Что там стряслось? — дрожащим голосом спросил он.

— Губернатор убит на стене, северные ворота пали, — выдохнул Лин Шу. — Город в огне, горит надвратная башня и храм. Ваше Величество, нужно бежать! Если мы переправимся через Янцзы и уйдем дальше на юг, на земли Наньцзюна, Чжао-ван не посмеет преследовать нас столь открыто. Там вы соберете преданных людей и вернете свое.

Ян Тао долго молчал, а затем горько прошептал:

— Преданные люди?.. Да остался ли у меня хоть кто-то? Мы окружены со всех сторон, выхода нет. И даже если где-то уцелели верные мне полки, неужели я должен увлечь их за собой в могилу?

Он повернул голову к Лин Шу. Тот стоял поодаль, не решаясь подойти ближе.

— Губернаторский дворец обыщут в первую очередь, здесь нельзя оставаться ни минуты, — твердо произнес юноша. — Прошу вас, Ваше Величество, уходим сейчас же.

Гул наступающей армии нарастал с каждой секундой. Времени на то, чтобы сменить облик, уже не оставалось. Лин Шу схватил пробежавшего мимо слугу, сорвал с него верхнее платье и заставил императора облачиться в эти простые обноски — лишь бы не привлекать внимания царственным убранством.

Не успели они ступить за порог, как во двор ворвался отряд вражеских солдат, безжалостно рубивший на ходу охрану и челядь. Не теряя драгоценных мгновений, Лин Шу левой рукой крепко ухватил Ян Тао, а правой обнажил клинок. С яростным натиском он прорубил кровавую просеку среди нападавших, перемахнул вместе с императором через ограду и скрылся в переулках. Вслед им неслись торжествующие крики:

— Они здесь! Лови их! Скорее весть Чжао-вану!

Израненный, забрызганный кровью Лин Шу вел императора за собой, не замечая полученных в суматохе порезов. Улицы кишели врагами, деться было решительно некуда. Поговаривали, что облавой руководил сам Хуайнань-хоу. Ян Е уже приказал загнать всех жителей по домам под страхом немедленной казни, после чего лично возглавил прочесывание кварталов. Он двигался медленно, проверяя каждый закоулок — этот хищник твердо вознамерился загнать добычу в угол.

Монарх и его верный слуга пробирались задворками, выбирая самые глухие тропы и отчаянно моля небо о скорейшем наступлении сумерек. Но до полудня оставалось еще долго, и время казалось невыносимо растянутым, словно застывшая смола. Горожане попрятались по домам, и пустые улицы лишили беглецов последней возможности затеряться в толпе.

Шаги преследователей доносились уже отовсюду, кольцо неумолимо сжималось. Сердце Лин Шу бешено колотилось, когда впереди, среди покосившихся лачуг, он заметил заброшенный храм Чэнхуана. Не раздумывая, он увлек Ян Тао под его дырявую кровлю — укрыться хотя бы на краткий миг.

Ослепленные паникой, они не заметили, что каждое их движение ловили жадные взгляды двух дозорных из личной охраны Ян Е. Те так и просияли, предвкушая небывалую удачу:

— Живее к маркизу! Десять тысяч ланей серебром — разделим поровну, до конца дней ни в чем нуждаться не будем!

Быстро сговорившись, один остался следить за храмом, а второй, задействовав технику легкости, стрелой помчался с докладом.

Храм давно пришел в запустение; судя по кучам гнилой соломы, здесь обычно ночевали бродяги, но сегодня в страхе разбежались и они. Войдя в полумрак главного святилища, где надтреснутый лик божества взирал на тлен, Лин Шу подтащил уцелевшую соломенную циновку:

— Ваше Величество, присядьте, переведите дух.

Лицо Ян Тао было серым, словно зола. Он попытался расправить складки чужого грубого платья, поднял взгляд на юношу — израненного, покрытого пылью и копотью, едва державшегося на ногах от изнурения, — и тихо, сокрушенно вздохнул. Указав на пыльный путуань в стороне, император произнес:

— Погляди на себя, совсем без сил. Иди, присядь там, отдохни хоть немного.

Лин Шу вздрогнул. Стоило смертельной опасности чуть отступить, как в мыслях правителя вновь ожил страх перед его проклятой судьбой Одиноким звездой Небесного Демона — оттого император и отсылал его подальше, боясь навлечь на себя беду. Заметив, как на потрескавшихся губах Ян Тао выступила кровь, юноша тихо ответил:

— Я не устал. Позвольте мне принести вам воды, Ваше Величество.

— Иди, но возвращайся скорее, — вымолвил Ян Тао. — У меня и вправду пересохло в горле.

Сделав лишь несколько шагов к выходу, Лин Шу уловил доносящиеся издали гортанные крики солдат. На севере все так же бушевал пожар, застилая горизонт. Юноша помедлил. Тревога когтями впиалась в грудь — он не мог оставить императора одного даже на пару минут. Вернувшись, он остановился у самого порога:

— Ваше Величество, на улицах слишком опасно, я не могу уйти. Потерпите немного. Как только стемнеет, я выведу вас из Янчжоу. Мы обязательно найдем путь к спасению.

Ян Тао горько, надрывно рассмеялся:

— Спасение?.. Не говори глупостей. Впрочем, даже если мне суждено погибнуть здесь, благодаря тебе я хотя бы не умру в одиночестве, покинутый всеми.

Преодолевая слабость, он медленно поднялся во весь рост. Осанка его выпрямилась, и в полумраке заброшенного святилища на миг вновь проступило величие истинного сына Неба.

— Лин Шу... Юаньмэй... — его голос вдруг зазвучал непривычно мягко, почти нежно. Он сделал шаг навстречу юноше. — Ты столько раз умолял меня оставить престол, отступить. Я не слушал, упрямо шел к своей гибели, пока не загнал нас обоих в эту мышеловку. Скажи... таишь ли ты на меня обиду?

Лин Шу взглянул ему в глаза и покачал головой:

— Нет, Ваше Величество.

— Но почему? — в голосе императора послышалось искреннее изумление. — Ведь моя гордыня погубила все, затянув тебя за мной на самое дно.

— Вы — мой государь, а я — ваш верный слуга. Как может подданный роптать на своего господина?

— Значит, лишь долг связывает нас? — вздохнул Ян Тао. — Но в беде познаются истинные сердца. Где теперь те, кто клялся мне в верности? Все разбежались, предали! Даже Цзин Хуайюй, которого я осыпал милостями, приполз на коленях к Чжао-вану. И только ты остался рядом. Жэнь Гуань и этот паршивец Хуайюй в один голос твердили мне, будто твоя судьба — Одинокая звезда Небесного Демона, что к тебе нельзя прикасаться, дабы не навлечь погибель на владыку Поднебесной. И что же? Именно ты, мое «проклятие», не отпустил моей руки в самый горький час. Стоит ли после этого верить предсказаниям звездочетов?

Лин Шу заметно побледнел и опустил глаза:

— Ваш покорный слуга ничего не смыслит в предначертаниях звезд. Я лишь стараюсь держаться в стороне от людей, чтобы лишний раз не будоражить злые языки.

Ян Тао подошел вплотную, на его измученном лице промелькнула странная, пугающе нежная улыбка.

— Вот как? А я теперь им не верю. Мы лишились всего, к чему теперь эти церемонии? Забудь о различиях в чинах, присядь со мной.

Он протянул руку. Лин Шу инстинктивно отпрянул, но смертельная усталость брала свое — покачиваясь, он проследовал за государем вглубь алтаря. Он собирался сесть поодаль, на безопасном расстоянии, как вдруг Ян Тао резко дернул его за рукав, насильно усаживая рядом с собой.

С семи лет Лин Шу находился подле Ян Тао. За долгие годы службы император ни разу не позволял себе подобной вольности, а уж после того, как в двенадцать лет юноша поступил в Верховный суд, их встречи и вовсе сделались сугубо официальными. Столь грубое прикосновение привело Лин Шу в замешательство. Потеряв равновесие, он поспешно

попытался отползти в сторону.

— Чего ты бежишь от меня? — усмехнулся Ян Тао, не выпуская его руки. — Ведь это ты — вестник несчастий. По всем законам мне следовало бы обходить тебя за версту, как я и делал прежде. Но теперь мне все равно, я больше не прячусь. Почему же ты шарахаешься от меня, словно от ядовитой гадюки?

Лин Шу замер, заставив себя не шевелиться. Ян Тао склонил голову набок, жадно вглядываясь в его бледное лицо:

— А еще Цзин Хуайюй уверял, будто лишь тебе под силу разрушить роковое Созвездие Убийства, Разрушения и Алчности. Он твердил, что союз Чжао-вана и двух его приспешников свергнет Поднебесную в кровавый хаос, и только ты способен переписать предначертанное... Но ничего не изменилось. Значит, они нагло лгали мне! Все эти годы водили за нос! И стоило трону пошатнуться, как эти твари переметнулись к моему брату. Это заговор... подлый, гнусный заговор, лишивший меня власти!..

Его взгляд лихорадочно скользил по чертам лица Лин Шу. В глазах императора разгорался шальной, безумный блеск, пугающий своей фанатичностью. Почуввав неладное, юноша внутренне сжался, но, не зная, как пресечь это безумие, лишь беззащитно опустил голову.

— А ведь я до сих пор помню нашу первую встречу, — тихо, почти мечтательно рассмеялся Ян Тао. — Я тогда лично руководил обыском в поместье твоего дяди. Солдаты поняли, что ты чужой в том доме, и велели тебе убираться на все четыре стороны. Но ты упрямо твердил, что идти тебе некуда. Помню, как ты сидел на ступенях у входа, укутавшись в дырявый взрослый плащ, и снизу вверх смотрел на меня огромными, полными слез глазами. Ты казался самым беспомощным, потерянным... В то самое мгновение я понял, что заберу тебя с собой.

Он медленно протянул руку. Его пальцы коснулись запекшейся крови на лбу Лин Шу, закрутили прядь растрепанных волос, а затем бесцеремонно легли на подбородок, заставляя поднять лицо:

— Юаньмэй... Скажи, для чего, по-твоему, я столько лет опекал тебя? Растил, оберегал от невзгод? Неужели ради того, чтобы ты просто стал безликим верным слугой? Или чтобы держать тебя в Верховном суде и любоваться издали? К черту! Теперь, когда моя жизнь висит на волоске, мне плевать, проклят ты звездами или нет. Я больше не стану терпеть. Моему терпению пришел конец!

Прежде чем Лин Шу успел осознать смысл этих слов, император с неожиданной силой навалился на него, прижимая за плечи к холодному земляному полу.

Поверженный навзничь, Лин Шу ошалело распахнул глаза. Кровь хлынула ему в лицо, окрасив щеки пунцовым румянцем. Он забился в тисках, задыхаясь от ужаса:

— Ваше Величество... Отпустите меня! Умоляю, пощадите!..

— Не выпущу! — безумно осклабился Ян Тао. — Ты должен был принадлежать мне еще много лет назад! Но из-за бредней этих двух старых псов я послушно держался на расстоянии, позволяя лишь созерцать тебя, пока подлый щенок Ян Е бесстыдно пользовался моим сокровищем! С самого детства я баловал тебя, исполнял любую твою прихоть, но не смел осквернить прикосновением! Ты и представить не можешь, какую муку я терпел! Но я совершил глупость. Если бы время можно было повернуть вспять, я бы в тот же день приказал вырвать языки тем лжецам!

Ошеломленный Лин Шу поначалу мог лишь умолять о пощаде, но первородный страх быстро вернул ему рассудок. Он отчаянно забился под весом нападавшего, пытаясь вырваться:

— Пустите! Пустите меня, Ваше Величество!

Он рвался изо всех сил, но глубоко укоренившийся трепет перед венценосной особой мешал ему ударить в ответ в полную силу. Ян Тао, распаляясь от сопротивления, навалился еще тяжелее. Разъяренный неповиновением, он наотмашь вlepил юноше оглушительную пощечину, а затем мертвой хваткой вцепился ему в горло:

— Бунтовать против своего господина?! Забыл, кому обязан жизнью? Если бы не моя милость, твои кости давно бы гнили на безымянном погосте! И ты смеешь противиться мне?!

Ян Е со своими людьми уже окружил полуразрушенный храм, зажав его в плотное кольцо. Приказав гвардейцам ждать сигнала, сам он бесшумно скользнул к стене святилища и прильнул к щели в ветхом оконном переплете. Доносившиеся изнутри крики заставили его замереть. Очередная тирада Ян Тао о том, что он все эти годы не смел осквернить Лин Шу прикосновением, громом прокатилась в ушах Хуайнань-хоу. Ян Е оцепенел, ошарашенно ловя каждое слово.

От жестокого удара в голове у Лин Шу зашумело. Однако, совладав с секундным беспамятством, он упрямо стиснул зубы:

— Ваше Величество... отпустите... — закашлялся он от сдавивших горло пальцев. — Пусть я обязан вам всем... но вы не имеете права... Пустите, иначе я... Ах!

Ян Тао с треском рванул ворот его платья. Ткань разошлась, обнажая безупречную, словно выточенную из нефрита кожу плеча — и прямо на ней отчетливый, давно заживший, но все еще глубокий след от укуса.

Человеческих зубов.

Тот самый след, что оставил Ян Е во время бурной сцены в Верховном суде!

До императора доходили слухи об этом происшествии, но, не видя бесчестия воочию, он лишь молча исходил желчью. Теперь же, когда неопровержимая улика предстала перед его взором, разум Ян Тао окончательно помутился от ревности.

— Значит, ему ты позволял терзать свое тело?! — взвыл он, и этот крик больше походил на рык раненого зверя. — Чужак может клеймить тебя, словно скотину, а мне, твоему спасителю, нельзя даже прикоснуться?!

С дикой яростью он впился зубами в щеку юноши, а затем с остервенением припал к старому шраму на плече, словно пытаясь вырвать, вытравить чужой след собственной плотью. Его руки, охваченные безумием, принялись в клочья рвать остатки одежды Лин Шу.

— Пусти! Отпусти меня! — в ужасе закричал Лин Шу.

Искаженное злобой, побагровевшее лицо Ян Тао не имело ничего общего с обликом того милостивого, мягкого государя, которого он знал всю жизнь. Сердце сковал леденящий, животный страх. Внезапно грудь обдало сквозняком — ветхая ткань поддалась с сухим треском, распахиваясь до самого пояса.

<http://bllate.org/book/19546/1998854>